
Очерк «Судьба воина-дагестанца»

[Атав и Салимат КАРАЕВЫ](#) - 29 мая 2015

Body

ПРОВЕРЕНО

Судьба воина-дагестанца

.

Война – это самое неразумное,

что можно себе представить.

Каждый, кто содействует ей советом

иди делом, должен рассматриваться

как преступник по отношению к человечеству.

Август Эйнзидель

.

Великая Отечественная война... Страшная трагедия народа!

Война! Как много в этом слове страданий и боли, сколько горя принесла она, сколько пережил наш великий народ во время этой трагедии, длившейся долгие четыре года, сколько жизней было погублено, сколько судеб исковеркано, сколько матерей потеряло своих детей, сколько детей осталось без родителей... всего не перечесть.

Вся страна была втянута в войну, кто-то принимал активное участие в боевых точках, кто-то трудился в тылу, не жалея ни сил, ни жизни. Все чаще звучал лозунг «Все для фронта! Все для победы!», который стал главным с первых дней войны. Но, где бы ни трудились наши люди, их героизму не было предела, они отдавали свою жизнь, свои силы за нашу Родину, за наше будущее, за нас, за мирное небо над головой.

Очень часто, поздравляя своих друзей или родственников, мы желаем им мирного неба над головой. Мы не хотим, чтобы их семьи подверглись тяжелым испытаниям войны.

Наше поколение родилось в счастливое, мирное время, но мы, потомки поколения тех военных лет знаем о войне немало. Ведь в ту пору не осталось ни одной семьи, в чью судьбу безжалостно не ворвалась война. И в моей семье были участники Великой Отечественной войны. Я хочу рассказать о родном брате моей бабушки по отцу. Звали его Джамалутдин Туркестанович Аджиев. Родился он 30 апреля 1922 года в старинном кумыкском селении Эндирей Хасавюртовского района Дагестанской АССР.

На фото 1. Полковник Аджиев Джамалутдин Туркестанович.

Детские и школьные Джамалутдина годы прошли в родном селе. Будучи по природе своей одаренным юношей, он раньше своих сверстников начал задумываться о жизни, о будущем. Он был всесторонне развитым юношей – увлекался спортом; любил волейбол, футбол, борьбу; играл на музыкальных инструментах: гитаре, мандолине, гармошке, агач-кумузе, был активным участником художественной самодеятельности, прекрасно рисовал, а также увлекался стрельбой. Но в глубине души у него таилась заветная мечта – стать офицером.

По окончании сельской школы Джамалутдин Аджиев поступил в Хасавюртовский педтехникум, а в 1939 – на географический факультет Дагестанского педагогического института.

На фото 2. Хасавюрт, 1940 год. Победители конкурса бальных и национальных танцев. В центре – известный баянист Яков Шубаев. Аня Колесникова из педрабфака (сидит справа от Шубаева) и Д. Аджиев (в последнем ряду в пилотке) заняли первое место по вальсу и бесплатный пропуск на танцы на все лето.

Но вскоре началась Великая Отечественная война. Вся страна встала на защиту своей Родины. Не остались в стороне и студенты. Среди первых был призван и Джамалутдин Туркестанович Аджиев. Это было 8 июля 1941 года, на шестнадцатый день войны. Вместе с ним на фронт ушли многие его однокурсники. Начавшаяся война, по-своему распорядившаяся судьбами миллионов людей, оказалась своеобразным толчком, воплотившим юношескую мечту Джамалутдина в суровую реальность, полную трагических будней.

Джамалутдина Аджиева определили в Подольское противотанковое артиллерийское училище, в котором курсантов обучали по ускоренной программе военному делу, здесь же принесли клятву верности Родине, которую он не нарушил до самой смерти. Военные действия на фронтах нарастали с катастрофической быстротой. Враг упорно рвался к столице нашей Родины – Москве. В один из сентябрьских дней 1941 года весь личный состав училища был поднят по тревоге и переброшен под город Юхнов – в 120-ти км юго-западнее Москвы, куда прорвались фашистские танки. Молодым, еще не окрепшим юнцам, предстояло стать преградой на пути стальной лавины фашистских танков 57-го механизированного корпуса 4-й танковой армии. Овладев городом Спас-Демянск, окрыленные успехом, фашисты ринулись на позиции у Юхнова. Курсанты и другие бойцы встретили фашистов ураганным огнем. Первый бой был особенно ожесточенным. Героически сражались и бойцы 43-й армии. Три дня шли упорные бои. Но силы были не равны, снаряды были на исходе. Командир вызвал к себе Д. Аджиева и еще двух курсантов и приказал им немедленно отправиться в тыл за боеприпасами. На следующий день, выполнив задание, они возвращались к своим позициям, когда столкнулись с бойцами отходящих частей, от которых узнали, что Юхнов пал, и армада фашистских танков и бронетехники движется теперь сюда. Нашим войскам с большими потерями пришлось отступать. Более 2000 курсантов Подольского училища погибли за город Юхнов. Так молодой парень Д. Аджиев познал горечь войны, пережил смерть своих сокурсников и однополчан.

Около 200 человек, оставшихся в живых, влились в Горьковское училище зенитной артиллерии.

После упорных боев пришлось оставить и Малоярославец, отошли к городу Наро-Фоминску, где у реки Нара, на укрепленных позициях, остановили победоносное продвижение немцев.

Весной 1942 года лейтенанта Д. Аджиева назначили командиром огневого взвода, а с 1943 года командиром батареи.

В дни грандиозных сражений на Курской дуге его батарея сопровождала военный груз к передовой в район Курска. С эшелона, куда были закреплены зенитные орудия, им удалось по пути к фронту сбить очередной немецкий самолет, который преследовал поезд. Таких боев у него и подчиненных впереди было еще очень много.

Первый орден Красной Звезды Джамалутдин Аджиев получил 24 октября 1944 года. К этому времени на счету его батареи было 6 сбитых самолетов.

Второй орден Красной Звезды он получил уже после Победы 16 октября 1945 года.

Закончилась война, но Д. Аджиев остался верен своей присяге, служил в городе Туапсе, в ракетных частях, охранял мирное небо Родины. За уничтожение аэростата-разведчика, который фотографировал секретные военные объекты, он был награжден третьим орденом Красной Звезды. В это же время ему вручили и медаль «За боевые заслуги».

С 1965 по 1969 годы Джамалутдин командовал Зенитно-ракетным артиллерийским полком, дислоцированным на территории ДАССР со штабом в городе Дербенте, затем в Махачкале.

На фото 3. На ракетной позиции (слева направо): Даниялов А.Д, генерал Крыжановский Л.Б, Умаханов М-С.И., Аджиев Д.Т. Махачкала, 1969 год.

В конце 60-х годов в разных точках планеты вспыхивали войны. Так 5 июня 1967 года Израильская армия начала войну против арабских государств. Тогда правительство Египта обратилось к Советскому Союзу. В ноябре 1969 года Д. Аджиева вызвали в Москву. В генеральном штабе Советской Армии ему предложили поехать в Египет, в качестве советника и специалиста по Зенитно-ракетным комплексам. После непродолжительной подготовки и сборов в числе первых 1500 советников, специалистов, Джамалутдин Туркестанович отбыл в Египет. Он обучал арабских офицеров и солдат военному искусству. Так, Д. Аджиев быстро завоевал авторитет среди местных офицеров, и те его уважительно звали мистер Эджи.

На фото 4. 1969 – 1971 г.г. На берегу Суэцкого канала. С арабскими солдатами на отдыхе. Второй слева Дж. Аджиев, в качестве старшего военного советника в зенитно-ракетной бригаде.

Четвертый орден Красной Звезды получил Джамалутдин Аджиев, будучи еще в Египте. Также здесь он получил арабский орден «За храбрость» и медаль воина-интернационалиста.

После возвращения из Египта в 1971 году, где провел почти 2 года старшим военным советником в зенитно-ракетной бригаде, Джамалутдин был направлен в Волгоград начальником Зенитно-ракетных войск соединения.

За заслуги перед Отечеством Аджиев Джамалутдин Туркестанович удостоен также ордена Отечественной войны 2-й степени и 14 других медалей.

В 1973 году Аджиев Д.Т. в звании полковника вышел в отставку и вернулся в Дагестан.

Руководство республики, учитывая боевые заслуги и деловые качества Джамалутдина Аджиева, поручило ему возглавить вновь создаваемый трест гостиничных заведений и банно-прачечных комбинатов Дагестана, где ярко проявились его организаторские способности и выработанная годами военной службы пунктуальность.

Судьбе было угодно, чтобы этот мужественный человек перенес самые сильные

потрясения в своей жизни – скоропостижную смерть среднего сына Анатолия (названного в честь лучшего друга-фронтовика и однополчанина), который работал военным врачом в г. Иваново, а также смерть верной супруги Руфы, прошедшей с ним рука об руку через все трудности армейской жизни. Сам Джамалутдин Туркестанович умер в 1999 году в возрасте 77 лет и похоронен в с Эндирей рядом со своей супругой.

Он прожил интересную и богатую событиями жизнь. Несмотря на возраст и болезни, даже в последние годы жизни он продолжал жить полнокровной жизнью. Где бы он ни появлялся, он всегда оказывался в центре внимания, люди тянулись к нему, особенно молодежь. Его увлекательные рассказы, анекдоты, которые он знал в большом количестве и рассказывал с искрометным юмором, никого не оставляли равнодушными. Он мог с тонкой иронией высмеять глупость, мелкое тщеславие, бахвальство. Сам же отличался исключительной скромностью; его душе были глубоко чужды хвастовство, самодовольство, чванство.

Как человек здравомыслящий, он не мог не думать о бренности бытия и незадолго до смерти попросил высечь на его надмогильной плите, помимо прочего общепринятого, еще два слова «Гелдик-гетдик» («Пришли-ушли»). Несмотря на кажущуюся простоту, в этих словах заключен глубокий смысл. Человек ведь приходит в этот мир с тем, чтобы через predeterminedный свыше срок уйти. И главное заключается в том, чтобы достойно прожить этот выделенный ему отрезок времени, и когда настанет срок – уйти с чистой совестью и спокойной душой. Вся жизнь Джамалутдина – яркий тому пример!

Не будет также преувеличением, если этого человека назовем легендой. Иначе, как можно объяснить путь, пройденный им за две полнокровных войны, не получив при этом серьезного ранения. А дорожки фронтовые, где на каждом шагу таится смерть! И хуже всего, когда не знаешь, откуда ждать удара.

В последние годы своей жизни Д. Аджиев написал свои воспоминания о прожитой жизни, которые адресовал своим сыновьям, внукам и близким родственникам. В 2008 году, через 7 лет после смерти полковника Д.Т. Аджиева, его сыновья Арсен и Джамал, проживающие в данное время в Москве, издали сохраненные рукописи книжкой «Кавказец о России». Приведем некоторые отрывки из этой книжки.

На фото 5. Книга «Кавказец о России».

.

О чем я пишу?

Эти записи и фото – мои воспоминания о прошлом и пережитом. По профессии я военный, но повесть эта не столько о войне, сколько о смысле жизни... немного о любви.

...Мне было двенадцать лет, когда к нам в село Эндирей на экс–курсию приехали мои сверстники, пионеры из Хасавюрта. Каким-то образом я и двое наших сельских парней присоединились к ним. Они пробыли у нас неделю, показали новые для нас игры: «Чью душу желаешь», «Третий лишний», пели душевные русские советские песни («А она была, пролетарочка», «Комсомолочка моя» и др.); было весело; мы подружались. Простое и близкое общение с девочками для нас было в диковину, а ласковое отношение молодой красавицы–пионервожатой вскружило мне голову. И... Неужели меня задела стре–лы Амура!? Кто знает... Но с тех пор я преобразился.

Когда они уехали, я впервые испытал гнетущую тоску.

Что поделаешь? Во мне, по сей день, жива страсть быстро и сер–дечно приобщаться к

людям; воспоминания о них – радость и грусть моей жизни.

Вскоре мы с мамой переехали на житье в Хасавюрт.

...Если кому-то доведется читать эти записи, у него возникнет вопрос: а кто такой этот Дж. Аджиев? Что эта за знаменитость? И точно. Ведь писал я для себя. Заманчивая мысль, что в этих запи–сях, может, кто-то найдет что-то схожее со своей жизнью, своим на–стоящим и прошедшим, пришла позже. Вот и все.

А записи мои вернее было бы озаглавить так: «Кавказец о России».

.

Отрывок из главы I.

Мени бир ата юртум Эндирей...

Бела – прекрасная кумычка

.

В 1995 или 1996 году, выступая по Дагестанскому телевидению, известный историк-краевед Булач Гаджиев комментировал повесть М.Ю. Лермонтова «Бела» прямо «с места событий».

Стоя на плато, где была крепость Внезапная в двух-трех кило–метрах юго-западней от нашего села Эндирей, он впервые высказал версию, что события повести происходили именно здесь. Его доводы и сравнения удивительно совпадали: рельеф, пейзажи, расположение крепости на берегу реки, где «похоронена бедная Бела»; свадьба в татарском ауле, где «бренчит трехструнка»; реплики Максим Макси–мыча, «Карагез», «йок», «якши», «яман» – все сходилось. Особенно момент угона Белы Казбичем.

В детстве, находясь на крутом берегу Акташа, и я видел как «джи–гиты» вот также угоняли (умыкали) девушек, пришедших на речку за водой.

Булач приводил и другие интересные примеры.

.

Отрывок из главы II.

Любимый город можешь спать спокойно...

Хасавюрт. 30-е годы

.

Жизнь в Хасавюрте у меня тесно связана с педтехникумом, это часть моей биографии.

В 1934 году, окончив с отличием 4-й класс Хасавюртовской Образцовой школы, я без экзаменов был принят на подкурс техникума. Подкурс комплектовался в основном учащимися ШКМ (Школа колхозной молодежи).

Директором был Рашидхан Даудов, геройски погибший на войне. Был сильный состав преподавателей, они запомнились на всю жизнь. Патриарх преподавательского корпуса:

Темирханов Сурхай (химия, биология), Гафуров Малик (родной язык), Егоров Александр (русский язык), Азаматов Мустафа и Мантиков Багав (география; мой выбор факультета в институте), Алиев Мустафа (история), Кадиев и Ильягуев (физика, математика), Арчили (физкультура; это он ознакомил и увлек нас волейболом, баскетболом, футболом).

Я перечислил эти фамилии 50 лет спустя; так запоминаются люди, давшие нам путевку в жизнь.

Об учителях, преподавателях слова благодарности говорят все, даже генсеки наши, но по достоинству они еще не оценены. В нашей стране, где такая необузданная страсть к памятникам, пока не нашлось место для учителя.

Мы признательны нынешним руководителям училища за организацию волнующих встреч «старой гвардии» с молодежью, я бы сказал «встречи с молодостью».

На фото б. Хасавюртовский педтехникум, выпускники 1937 года. Снимок в честь 50-летия выпуска. Хасавюрт, 1987 год, май. Дж. Аджиев – третий слева.

К экзаменам мы готовились на закрытом в то время русском кладбище рядом с техникумом. Кладбище это осталось в памяти: удивительно красивые памятники из мрамора и гранита с трогательными эпитафиями неизвестным прахам; буйно растущие кусты сирени, ландыша, жасмина; их смешанный с тленью запах, – все это как-то странно будоражило и волновало юные сердца.

...Никогда не забуду вечерний Хасавюрт. Почти у каждого дома палисадник с цветами, а у калитки – скамейка. Проводы девушек после танцев. А где-то из околицы тихо доносятся до боли знакомые мелодии девичьих хороводов.

Вот такими остались в моей памяти «Хасавюртовские вечера».

.

Отрывок из главы III.

Студенточка, заря вечерняя...

Дом кадров

.

Его еще называли Вузовским городком. Он остался в моей памяти святым и светлым обиталищем. В тридцатые годы там были сосредоточены сельхозинститут, три курса мединститута, два факультета пединститута, педрабфак. Ну чем не Оксфорд или Сорбонна!

Большинство студентов там и жило в общежитиях. Было все необходимое для жизни и учебы.

По вечерам и в выходные дни городок наполнялся мелодиями грампластинок, ставших для нашего поколения классическими: «Брызги шампанского», «Рио-Рита», «Цыган», «Дождь идет», «Немое свидание», «Мой костер в тумане светит», «Отрада», «Звездочка»; песни и романсы Изабеллы Юрьевой и Вадима Козина: «Когда простым и ясным взором ласкаешь ты меня, мой друг...». И бессмертная «Катюша»! Ее знает и поет весь мир.

Может, эта мягкая, задумчивая, благоухающая музыка и определяла наши характеры и нравы!

И танцы!: танго, фокстрот, вальс, вальс-бостон, румба. Танцы на широких, полукругом на все здание балконах, как бы специально со-зданных для ночных прогулок влюбленных; в коридорах; во дворе вокруг фонтана... И счастливые возбужденные лица не очень сытых и совсем небогатых парней и девушек!

Я убежден, что танцы того времени парней делали рыцаря-ми. Если парень неопрятно одет, а в зубах папироса, то девушка не шла танцевать. А это, в свою очередь, возвышало и достоинство девушек. Словом, танцы заставляли подтянуться и ребят, и девушек, в то же время укрепляли доверие и дружбу между ними в самом благородном смысле этого слова.

На фото 7. Вверху справа налево: М. Кудаев, Надя Михайличенко, Надя Полубаярова... Таня Чернушкина... выпускники педрабфака. 1941 год.

И вот вечный вопрос: когда же было лучше?

Чингисхан, испытавший в молодости жизнь в плену, говорил: «Хорошо быть молодым, даже с колодкой на шее».

...Истфак, литфак, геофак!.. До чего милые незабываемые символы! Хорошо бы быть вечным студентом!

Сердце щемит, когда теперь проезжаю мимо здания Дома Кад-ров. Как-то в выходной день с одним другом из педрабфака мы по-сетили его. Поразило безмолвие мест, так оживленных в наше время. Но тишина эта сопутствовала нашему грустному настроению. Прошли кругом, обошли сившиеся по ночам аудитории, «танцплощадки», лестницы, по которым когда-то бегали. Вспомнили ребят и девчат, с которыми учились...

Ну отчего так сжимается сердце? Может, от сознания безвозвратности прошлого? От желания сохранить все как было?

...Почему я выбрал географический факультет. Думаю, сыграло какую-то роль решение задачи на каком-то конкурсе в техникуме. Было семь вопросов, надо было назвать: выдающегося деятеля, страну, город, гору, озеро и остров, начинающихся на букву «С». Не помню сейчас, какое время давалось на решение, но ответ свой я сдал одним из первых и получил первый приз. (Ответ на первый вопрос ясен - Сталин, а не Сократ или Сали Сулейман. Остальное понятно, а горы - Саяны, угадал я один).

Отрывок из главы IV.

Куда ты мчишься мой гордый конь, и где ты опустишь копыта

После окончания техникума я работал учителем в селениях Параул и Боташ. С благодарностью вспоминаю доброе ко мне отношение их жителей. Мои ученики в большинстве были старше меня. Девушки покровительственно посмеивались, кажется, вполне добро-желательно. Это, но и звание муаллима (учитель), заставляло подтягиваться, «взрослеть»... Не забываю русских учительниц Олю и Валю, краса-виц из Кизляра, совместно работавших.

...Из своего опыта заключаю, что поступление в ВУЗ с некоторой производственной практикой имеет определенное преимущество, чем скачок с парты на парту. Институт для меня также начался удачно... Первый или второй день занятий... В классе собрались две группы, человек 40-50. Преподаватель русского языка Александр Васильевич Булыга, благообразный старик, на доске написал длинное сложносочиненное предложение и обратился к аудитории:

- Кто желает разобрать?

Здесь я делаю небольшое отступление. Летом, во время каникул, в Хасавюрте, я ходил на курсы русского языка. Не помню имени умной преподавательницы, но я многое там познал. Главное - все было свежо в памяти.

- Ну, кто?

Никто не решается. Долгую паузу, как когда-то выходил на борьбу в техникуме, нарушил я (думаю сейчас об этих своих выходках: ведь в обоих случаях я мог промолчать; никто меня не подталкивал, а вот полез! Самонадеянность? Честолюбие? Однако, без соответствующей подготовленности и какой-то уверенности такие «замашки» вряд ли возможны).

Итак, я поднял руку и вышел к доске. Под гробовое молчание класса я это предложение блестяще разобрал. Булыга это подтвердил: когда я пошел к месту он, остановив меня, спросил:

- Кто по нации?

- Кумык.

- Молодец! Далеко пойдете.

Слова его в моей жизни не подтвердились, но рейтинг мой среди студентов поднялся высоко. В другой раз, когда я случайно ворвался в класс писавших диктант первокурсников, он остановил меня и, обращаясь к студентам, очень лестно обо мне отозвался. Он явно был под впечатлением того разбора: видимо он был уверен, что написал предложение, которое всем не по зубам.

.

Отрывок из главы V.

Война. На долгий путь, на долгие года

Смерть или слава!

.

...К началу 41-го учебного года наш факультет из Дома Кадров перевели в основное здание пединститута на углу улиц Дахадаева и Маркова, № 17.

22 июня 1941 года мы готовились к очередным экзаменам на городском пляже в Махачкале. В те годы пляж почти пустовал: дагестанцы еще не все понимали «дары моря», даже чурались, а цивилизованный народ предпочитал Черноморье.

В 12 часов с небольшим кто-то прибежал и тревожным голосом оповестил: война! Все

всполошились. Мы тоже оделись и пошли в свою студенческую столовую на Буйнакской улице около вокзала, а оттуда в общежитие на Дахадаева, 21 (около стадиона «Динамо»).

Везде на улицах и переулках у репродукторов люди сосредоточенно слушают выступление Молотова. В память на всю жизнь врезались слова:

«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

А после радио передавало сводки из обыденной мирной жизни, лишь на второй или третий день стали звучать военные марши... А там, на западных границах уже все полыхало.

Среди студентов курса я слыл «политиком». Я считал, что это провокация, может, даже затеянная нашими, как в 1939 году с Финляндией; что наши вот-вот перейдут в наступление, освободят Германию и поставят у власти Тельмана.

Боже, как я ошибался! Более зрелые люди считали, что немцев остановят или на старой границе, или на рубеже Днепра.

...Нам дали возможность сдать экзамены до конца. Оставался экзамен по истории СССР. Я плохо готовился: это сразу понял историк наш Блинов, лысый, малого роста. Посмотрев мою зачетную книжку, где все отличные и хорошие оценки, он сказал: «Не хочется вам портить зачетку одной единственной тройкой, позанимайтесь 2-3 дня и приходите». Во мне заговорило ложное самолюбие (как же, я ведь отличник!), и я сказал с амбицией: «ставьте, что заслужил». И он поставил тройку. Он был прав, оценка справедливая. Наверно потом, видя нас, уходящих на войну, жалел об этом, но «поезд уже ушел».

Я до сих пор жалею, что погорячился тогда: не он меня обидел, а я его.

К сожалению после войны ни его, ни других преподавателей, ставших близкими и дорогими людьми, так и не встретил. А декана Картавова Михаила Михайловича, доброго и спокойнейшего человека, вспоминаю с благоговением. Не удалось мне установить и его судьбу.

...Когда получил повестку из военкомата, я уже имел предписание на должность директора Главкутской (на берегу Каспия) неполной средней школы...

Сейчас, о ком бы ни писали, обязательно делают приставку: «ушел на фронт добровольцем». Разумеется, таких случаев было много, патриотизм был высочайший, но основная масса шла по объявленной в стране всеобщей мобилизации, ну а призывному возрасту - и бог велел.

Мы знали войну по кинофильмам как героическую романтику, шли в армию с вдохновением и гордостью, уверенные в скорой победе. Вот какое молодое поколение было выращено, несмотря на все издержки той эпохи!

Днем 8 июля 1941 года большая группа студентов всех трех махачкалинских вузов (пед., мед., сельхоз.) сосредоточилась на железнодорожном вокзале. Провожавших было мало: в основном девушки и ребята-студенты, еще не получившие повестку. Никакого столпотворения, ни одного нетрезвого. Короче, ничего похожего на нынешние проводы в армию; а мы ведь уходили в неизвестность...

Ехали мы пассажирским поездом... моя первая поездка в Москву. В Хасавюрте меня встречали родственники. Не могу представить, как они узнали, наверное, встречали все поезда. Кроме мамы, кто еще там был, я уже не помню. Поезд в Хасавюрте стоял всего

две минуты. Ничего, кроме слез матери, я не запомнил. До Москвы ехали пять суток: тогда поезда на больших станциях стояли по 30-40 минут, паровозы набирали воду. Дорога запомнилась на всю жизнь. На станциях обилие всевозможных продуктов, и все по ценам, вполне доступным студенческому бюджету... А ведь уже полмесяца шла война! Почему-то после войны такую торговлю запретили и ничем не заменили...

Ни войны, ни тревоги какой, пока ехали, не чувствовали.

Сейчас поражает это спокойствие народа! Уверенность? Или шок? Ведь нынче такое представить невозможно. Наверное, люди не предполагали, что так долго продлится война, что немцы доберутся так далеко. Да кто мог тогда это знать?...

Москва, июль, 1941 год

На вокзале нас встретили представители военных академий и пешим строем повели к местам назначения.

Москва показалась мне мрачно-спокойной. Запомнил только, как солдаты вели на веревках аэростаты воздушного заграждения, да истребителей, то и дело прорезающих небо столицы.

Мое назначение - в Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского. Нас очень нарядно одели, разместили в общежитии по 4 человека, а не в казарме. А кормили как! Это была сказка после студенческого пайка.

... Мы изучали новые типы истребителей МИГ-1, ЯК-1... Увы, на этом моя летная эпопея кончилась. Недели через две, нас, человек 200 новичков-гуманитарников собрали, форму сняли, одели обратно в свою легкую уютную студенческую робу и отправили к месту нового назначения.

Теперь мы стали курсантами Подольского (под Москвой) проти-вотанкового артиллерийского училища... Занимались по ускоренной программе. За сравнительно короткий срок изучили матчасть и стрельбу по танкам из 45-мм противотанковых пушек. Учились также прак-тическому применению бутылок с зажигательной смесью, т.н. «вод-ка» («коктейль») Молотова (!).

Поскольку в институте мы проходили военное дело, а преподавал истый вояка поляк майор Ястрежембский, азы военного дела мы знали и к службе были готовы. Жили в палаточном лагере на берегу тихо текущей речки Пахра. Природа там была экзотичная, но от этого мы никакого комфорта не испытывали. Запомнились долгие ночные бе-седы с артистом Францевым; меня особенно волновали его расска-зы о популярном тогда артисте Николае Крючкове, игравшем в филь-мах «На границе», «Три танкиста», «Трактористы»...

Незаметно прошли дни учебы. Неожиданно для нас нависла уг-роза Москве... Ночью в ненастную погоду училище подняли по тре-воге и двинули в район Юхнова - 120 км юго-западнее Москвы, куда прорвались фашистские танки. Собрались мы по тревоге привычно быстро; сели на газики с траками на задних колесах, подцепили наши легкие пушки, двинулись... Наша батарея заняла у реки Угра пози-цию у перелеска, недалеко от колхозной фермы; к утру кое-как окопа-лись, замаскировались. Вскоре впервые в жизни я услышал тревож-ный гул немецких танков. Стало страшновато, ведь первый бой! Это

состояние прошло лишь после первых выстрелов.

В училище нас обучали выполнять обязанности любого номера расчета, командира орудия и взвода; здесь каждый выполнял опре-деленную функцию; я был подносчиком снарядов; и так рьяно выпол-нял обязанности, что не замечал, что делается вокруг. Знал (вернее инстинктивно чувствовал): чем лучше каждый будет делать свое дело, тем больший урон будет нанесен врагу. Так действовали все: инстинкт самосохранения! Иногда, при беглом взгляде на охваченное дымом и пожарами поле боя, замечал подбитые и горящие танки, но кто их подбил, какая вообще обстановка, я не ведал; стреляли все.

Бой затих к сумеркам. Позже мы узнали, что в первые дни войны немцы строго соблюдали распорядок приема пищи и отдыха. Мы же начали подготовку к отражению нового удара: приводили в порядок уцелевшие орудия, подвозили боеприпасы, доукомплектовывали расчеты. Теперь на каждое орудие было по одному подносчику сна-рядов.

...Второй и третий дни были повторением первого, только меня-ли позиции, и ряды наши поредели, а немецкие танки валили как дым из трубы. Шел бой, в котором не было ни победителей, ни побежден-ных. Фашистские танки через позиции курсантов не прошли. Курсан-ты держались до тех пор, пока нас не заменили регулярные части. Потом нам говорили, что в этих боях погибло до 2000 курсантов -18-20-летних парней, только вступавших в жизнь, безвестных героев.

...Около 200 человек, оставшихся в живых, влились в Горьковс-кое училище зенитной артиллерии. Здесь также действовало Суво-ровское правило: «тяжело в учении, легко в бою». Битва за Москву продолжалась; фашистская авиация увеличила радиус действия. На помощь войскам на позиции вывели курсантские батареи. Учебу при-ходилось совмещать с боями.

Запомнилась наглость фашистских летчиков в то время: после очередного налета они, уверенные в своем превосходстве, бросали листовки, что завтра прилетят в то же время, - и точно прилетали. Летали иногда на малой высоте, бомбили, обстреливали из пулемет-тов, - можно сказать издевались. Было обидно; нас учил воевать... и противник...

...На войне судьбу человека определяет часто меняющаяся об-становка, какой-то невесть откуда привнесенный штрих. Начав с авиа-ции и противотанковой артиллерии, я стал артиллеристом-зенитчи-ком; защищал от воздушного нападения города и войска, мосты и военные объекты... я был командиром огневого взвода, а с 1943 года - командиром батареи. Мы воевали с сильным и в этом смысле с достойным противником.

В начале войны в мире только фашистская Германия имела спе-циальную пикирующую авиацию, вооруженную испытанными бом-бардировщиками - «юнкерсами» (Ю-87, Ю-88) и вышколенными лет-чиками. Не так бывало просто отразить их «психическую атаку». До сих пор звучит в ушах их прерывистый гул, напоминающий Гинден-бургский марш, и страшный рокот при пикировании. Наша 12-я бата-рея сбила шесть таких пикировщиков
...

...Спустя почти полсотни лет многое теперь кажется, что было не так страшно; что-то уже и позабыто, но опыт остался: через 24 года я уже воевал в Египте с более опытными ассами на совре-менных пикировщиках (об этом в конце тетради).

Главную роль в нашей Победе, безусловно, сыграли русские. Но они никогда не кичились этим. Больше того, мы не различали тогда, кто русский, а кто нерусский. Мустай Карим сказал: «Не русский я, но Россиянин!». Такими были мы все. За время войны я лучше узнал русских, Россию и полюбил их.

В ПВО служило много девушек. Они заменяли мужчин на приборах управления огнем, связи и даже в разведке. В нашей батарее, укомплектованной кадровыми бойцами сибиряками из Забайкалья, были и девушки из Кубани и Горьковской области. Мы оберегали их честь и достоинство, а они показали себя отважными бойцами. В моей практике не было случая, чтобы во время боя кто-либо из девушек оставил свой пост и полез в укрытие... Бояться мыши и быть бесстрашной перед лицом смерти – это было выше моего понимания. Наверно люди никогда не поймут женскую психологию. Но женщина остается женщиной и на войне. Их близость согревала нас. Могли ли мужчины допустить малодушие в их присутствии?!

На фото 9. Д. Аджиев с девушками-солдатами.

Хотел закончить тему о войне, но как не сказать о вкладе в Победу тружеников тыла, медиков, деятелей искусства!

Статьи Ильи Эренбурга, стихи и песни Константина Симонова и Лебедева-Кумача, музыка Дунаевского, Богословского, кинофильмы тех лет! До сих пор зовет на подвиг песня «Священная война» – гимн этой войны.

А голос Левитана по радио! Аж дрожь брала! Не знаю и не хочу думать, как получилось бы по телевизору. Наверно, хорошо, что тогда не было телевизора. А кино тех лет! Думаю, что наши актеры и актрисы кино и театра – лучшие в мире.

В заключение о том, что особенно запомнилось.

Кому-то первый день войны, другому последний день войны; какое-то сражение, смертельная опасность. Мне же кажется, общим для всех была тоска по мирному времени. Как-то Клавдия Шульженко с группой артистов приехала на фронт к летчикам. Пела она в военной форме. Один из летчиков попросил ее:

– Если можно, пойте, пожалуйста, в мирном платье!

– Почему?

– Чтобы было так же, как до войны.

Может и поэтому ветераны не хотят новой войны, да еще более страшной!

На фото 10. Д. Аджиев с боевыми товарищами после войны.

.

Отрывок из главы IX.

Без тебя мне счастья нет

.

Все было... Мой выбор пал на Руфу. Мы были счастливы, не всегда замечая этого за повседневной суетой жизни.

На фото 11. Д. Аджиев в кругу семьи – супруга Руфа и сыновья – Арсен и Анатолий.

Доволен ли я своим прошлым? О чем жалею?

Я не жалею, что не был сыном Сталина, принцем английским или самым богатым человеком в мире. Свою жизнь с ее радостями и горестями я не променял бы ни на какую другую.

Жалею же об одном: почему я не умер раньше своей жены? Эта глава о ней.

На фото 12. Супруга Д. Аджиева Руфина из Аксяя.

·
Как умирала Руфа

·
Она умерла 8 июля 1995 года в 19.30 (24-го ноября 1994 года отметила шестидесятилетие).

Умерла от быстротечной коварной болезни крови, почти не боля. Ни сама она, ни мы не думали, что болезнь смертельная. Беспощадная болезнь свалилась как с неба и унесла ее, не дав опомниться. Умерла тихо, спокойно, без «ах» и «ох».

Ушла, оставив двух взрослых сирот. Наверное, в какие-то моменты болезни ей приходили эти мысли, и я представляю, как ей было тяжело.

Ушла неожиданно, ни с кем не простившись, ничего не завещая. Ушла, не жалуясь и не унывая, как и жила, с улыбкой милой. Пусть прах твой утешат слезы, которые не высохнут до конца моей жизни.

Она легла в больницу в четверг 22 июня, а во вторник 4-го июля думала вернуться домой. Зная, как она будет рада, я навел в квартире полный порядок. К нам провели природный газ, лестницу застлали мрамором. Приходи же, мой ангел, радуйся, живи! Не пришла. Не пришла совсем. В этот день заболела сильной ангиной, будто та болезнь не могла ее свалить.

Утром 8-го июля сошла температура, и она с ясным сознанием говорила со мной. Мой приход немного смутил ее, что-то неладное заподозрила она: раз пять спросила «Сен не-чик гелдинг?» («Зачем ты пришел?») и потом несколько раз – «Не яхшы этдинг хари гелип!» («Как хорошо, что ты пришел!»).

Это были ее последние, самые последние ласковые слова, услышанные мной.

Да, я приду к тебе моя родная баляшка, не беспокойся!

Часов в 10 она уснула; красивая, милая, и в сознание больше не приходила. Сама, в жизни довольствуясь малым, ты делала все для нас. Мы были избалованы.

Диагноз болезни – лейкоз (белокровие). Этой болезнью болеет один человек из пятидесяти тысяч! Но как жребий пал на Руфу?! Может, потому, что я выбирал ее из пятидесяти тысяч!

...Похоронили мы ее на кладбище в Эндирее, недалеко от моих родных; рядом место для меня; это наш последний бренный приют.

Когда засыпали могилу, в какой-то момент я поднял глаза. Мне показалось, что деревья склонили головы, травы поникли, облака на небе потемнели, как в душе моей.

И все! Все на веки. Руфы нет! Ее голос не прозвучит больше в нашем бедном жилище. Нет хозяйки дома! Потух наш очаг.

...Начиная эти записи, не думал я, что такой трагический будет конец. Может, зря писал? Не знаю. Теперь мне кажется, что человек ошибается, торопя завтрашний день, думая, что он будет лучше вчерашнего ...

...Захожу домой, Руфы нет. Как это так? И не будет ... ?!?!

О, если бы ты знала, как пережили твою смерть все мы: твои и мои родственники, твои подруги! Если бы ты знала, что мы теперь делаем, как живем! Но в том и трагедия, что никогда ты этого не узнаешь. А как хочется, чтобы ты знала!

...После ее смерти прошло два с половиной месяца...

Помню: куда бы она ни ездила, всегда говорила: «лучше своего дома места нет». И сегодня, у нас дома все так, как ты оставила; приходи же!

...Всю дорогу из Махачкалы в Хасавюрт у твоего гроба я невольно разводил руками, еще смутно представляя всю глубину постигшего меня горя, предчувствуя, какое безысходное будущее впереди. Пусть это тебя немного утешит, ибо над моим телом разводить руками уже некому.

В доме у твоего брата, рядом с твоим телом я около двух часов подремал (с двух до четырех часов) в комнатах, откуда ты выходишь за меня замуж. Встал, едва занялась заря, знал: через несколько часов наступит минута последнего свидания. Время летит неумолимо, минута эта наступила быстро. Когда открыли гебин (саван), даже я, знавший тебя сорок два года, был очарован. В последний раз в жизни я безмолвно любовался красивым, не исхудавшим, почти живым лицом. Это мгновение, пожалуй, было самым тяжелым.

Не сходит с памяти наш последний перед смертью разговор, когда я сказал: «Спи спокойно, все будет хорошо». Она, всегда послушная, поверила мне и уснула. Уснула навсегда! Но, что другое я мог ей сказать?

...В эти вечера светит полная луна. Глядя на нее, я думаю, что она светит и на кладбище в Эндирее. А ей все равно, светит луна или идет дождь...

Теперь о живых

Наш дом, всегда полный гостями и шумный, опустел. Я знал, что так будет, но психологически к этому оказался не готов. Представь себе мое положение: один в пустом доме, в полной тишине; в доме, где каждая вещь – печальное свидетельство совместной жизни. Телефонный справочник. Тоску вызывают имена, написанные ее рукой...

...После того, как отметили 52 дня со дня смерти, никто из родных не звонит, не приходит. Вот какой, оказывается, рубеж эти 52 дня! Рубеж забвения живых и мертвых.

Говорил с Москвой, с внуками. Хотел их назвать, как бабуля, «ля-пясаны», не получилось, с комком в горле оборвался на полуслове.

Какой же выход? Его никто не подсказывает. Остерегаются. Так что, дорогой полковник, (мистер Аджиев), неси свое бремя до смер-ти и торопи ее. Другого выхода я тебе не нашел.

Ладно, не забыли друзья: Аткай, Надир-Солтан, Алибек Аджиев, гл. инженер гостиницы «Каспий» аварец Газияв.

Их озабоченность одной оригинальной фразой выразил Аткай: «Джамалдин! Мен сенден парахат тюгюльмен» (Джамалдин! Я за тебя не спокоен»).

Да, берегите друзей!

Апрель 1996 года. Никакой радости. Какая может быть ра-дость, если с нею не с кем делиться?! ...

На кольце мудрого царя Соломона было вырезано: «И это прой-дет».

...Январь 1997 года. Нет, Соломон, увы, не все «проходит». Друзья мои! Берегите жен!

...Самое безысходное положение на земле – это одиночество, трижды безысходно – одиночество старого человека ...

...19 сентября 1999 г. умерла Раиса Максимовна Горбачева от той же болезни, что и Руфа. А ведь ее долго лечили лучшие врачи Германии.

И страдавший бедный Михаил Сергеевич убивался, думая, что не все может сделать для ее спасения. Что остается говорить мне?!

Я сочувствую Михаилу Сергеевичу.

.

Мы дети, внуки и правнуки поколения военных лет должны, обязаны помнить тех, кто ради нас не жалел ни сил, ни жизни, для того, чтобы у нас была мирная жизнь и ярко светило солнце. Честь и хвала им всем!!! Низкий поклон от потомков, ведь время не имеет власти над тем, что люди пережили в войну. И пока мы будем помнить отдавших за нас свою жизнь, свою молодость, свой покой, значит, будет жива связь поколений. А значит, жива и наша Родина-Россия!

.

Караев Атав Гамзатханович.

Живет в с. Эндирей Хасавюртовского района (Республика Дагестан). Кандидат сельскохозяйственных наук, Заслуженный работник сельского хозяйства РД. Автор более 50 научных, литературных и исторических публикаций: статей, очерков, рассказов, брошюр, книги, в частности, исторического очерка «Эндирей» и книги «Тернистый путь к истине».

.

Караева Салимат Атавовна.

Живет в Махачкале (Республика Дагестан). Работает в Дагестанском государственном

педагогическом университете на факультете начальных классов в должности доцента. В 2005 году в РАО (Москва) защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формирование и развитие русской связной речи учащихся начальных классов кумыкской школы с использованием средств наглядности». Присуждена ученая степень кандидата педагогических наук. Автор более 80 опубликованных работ: статей, учебных и учебно-методических пособий и монографий. Караева С.А. является организатором семинаров, конференций; лауреатом и победителем Всероссийских, Международных конкурсов; руководителем и исполнителем научно-исследовательских работ и грантов.

Война – это самое неразумное, что можно себе представить. Каждый, кто содействует ей советом или делом, должен рассматриваться как преступник по отношению к человечеству.

Август Эйнзидель

Великая Отечественная война... Страшная трагедия народа!

Война! Как много в этом слове страданий и боли, сколько горя принесла она, сколько пережил наш великий народ во время этой трагедии, длившейся долгие четыре года, сколько жизней было погублено, сколько судеб исковеркано, сколько матерей потеряло своих детей, сколько детей осталось без родителей... всего не перечесать.

Вся страна была втянута в войну, кто-то принимал активное участие в боевых точках, кто-то трудился в тылу, не жалея ни сил, ни жизни. Все чаще звучал лозунг «Все для фронта! Все для победы!», который стал главным с первых дней войны. Но, где бы ни трудились наши люди, их героизму не было предела, они отдавали свою жизнь, свои силы за нашу Родину, за наше будущее, за нас, за мирное небо над головой.

Очень часто, поздравляя своих друзей или родственников, мы желаем им мирного неба над головой. Мы не хотим, чтобы их семьи подверглись тяжелым испытаниям войны.

Наше поколение родилось в счастливое, мирное время, но мы, потомки поколения тех военных лет знаем о войне немало. Ведь в ту пору не осталось ни одной семьи, в чью судьбу безжалостно не ворвалась война. И в моей семье были участники Великой Отечественной войны. Я хочу рассказать о родном брате моей бабушки по отцу. Звали его Джамалутдин Туркестанович Аджиев. Родился он 30 апреля 1922 года в старинном кумыкском селении Эндирей Хасавюртовского района Дагестанской АССР.

Детские и школьные Джамалутдина годы прошли в родном селе. Будучи по природе своей одаренным юношей, он раньше своих сверстников начал задумываться о жизни, о будущем. Он был всесторонне развитым юношей - увлекался спортом; любил волейбол, футбол, борьбу; играл на музыкальных инструментах: гитаре, мандолине, гармошке, агачкумузе, был активным участником художественной самодеятельности, прекрасно рисовал, а также увлекался стрельбой. Но в глубине души у него таилась заветная мечта - стать офицером.

По окончании сельской школы Джамалутдин Аджиев поступил в Хасавюртовский педтехникум, а в 1939 – на географический факультет Дагестанского педагогического института.

Но вскоре началась Великая Отечественная война. Вся страна встала на защиту своей Родины. Не остались в стороне и студенты. Среди первых был призван и Джамалутдин Туркестанович Аджиев. Это было 8 июля 1941 года, на шестнадцатый день войны. Вместе с ним на фронт ушли многие его однокурсники. Начавшаяся война, по-своему распорядившаяся судьбами миллионов людей, оказалась своеобразным толчком, воплотившим юношескую мечту Джамалутдина в суровую реальность, полную трагических будней.

Джамалутдина Аджиева определили в Подольское противотанковое артиллерийское училище, в котором курсантов обучали по ускоренной программе военному делу, здесь же принесли клятву верности Родине, которую он не нарушил до самой смерти. Военные действия на фронтах нарастали с катастрофической быстротой. Враг упорно рвался к столице нашей Родины – Москве. В один из сентябрьских дней 1941 года весь личный состав училища был поднят по тревоге и переброшен под город Юхнов – в 120-ти км юго-западнее Москвы, куда прорвались фашистские танки. Молодым, еще не окрепшим юнцам, предстояло стать преградой на пути стальной лавины фашистских танков 57-го механизированного корпуса 4-й танковой армии. Овладев городом Спас-Демянск, окрыленные успехом, фашисты ринулись на позиции у Юхнова. Курсанты и другие бойцы встретили фашистов ураганным огнем. Первый бой был особенно ожесточенным. Героически сражались и бойцы 43-й армии. Три дня шли упорные бои. Но силы были не равны, снаряды были на исходе. Командир вызвал к себе Д. Аджиева и еще двух курсантов и приказал им немедленно отправиться в тыл за боеприпасами. На следующий день, выполнив задание, они возвращались к своим позициям, когда столкнулись с бойцами отходящих частей, от которых узнали, что Юхнов пал, и армада фашистских танков и бронетехники движется теперь сюда. Нашим войскам с большими потерями пришлось отступить. Более 2000 курсантов Подольского училища погибли за город

Юхнов. Так молодой парень Д. Аджиев познал горечь войны, пережил смерть своих сокурсников и однополчан.

Около 200 человек, оставшихся в живых, влились в Горьковское училище зенитной артиллерии.

После упорных боев пришлось оставить и Малоярославец, отошли к городу Наро-Фоминску, где у реки Нара, на укрепленных позициях, остановили победоносное продвижение немцев.

Весной 1942 года лейтенанта Д. Аджиева назначили командиром огневого взвода, а с 1943 года командиром батареи.

В дни грандиозных сражений на Курской дуге его батарея сопровождала военный груз к передовой в район Курска. С эшелона, куда были закреплены зенитные орудия, им удалось по пути к фронту сбить очередной немецкий самолет, который преследовал поезд. Таких боев у него и подчиненных впереди было еще очень много.

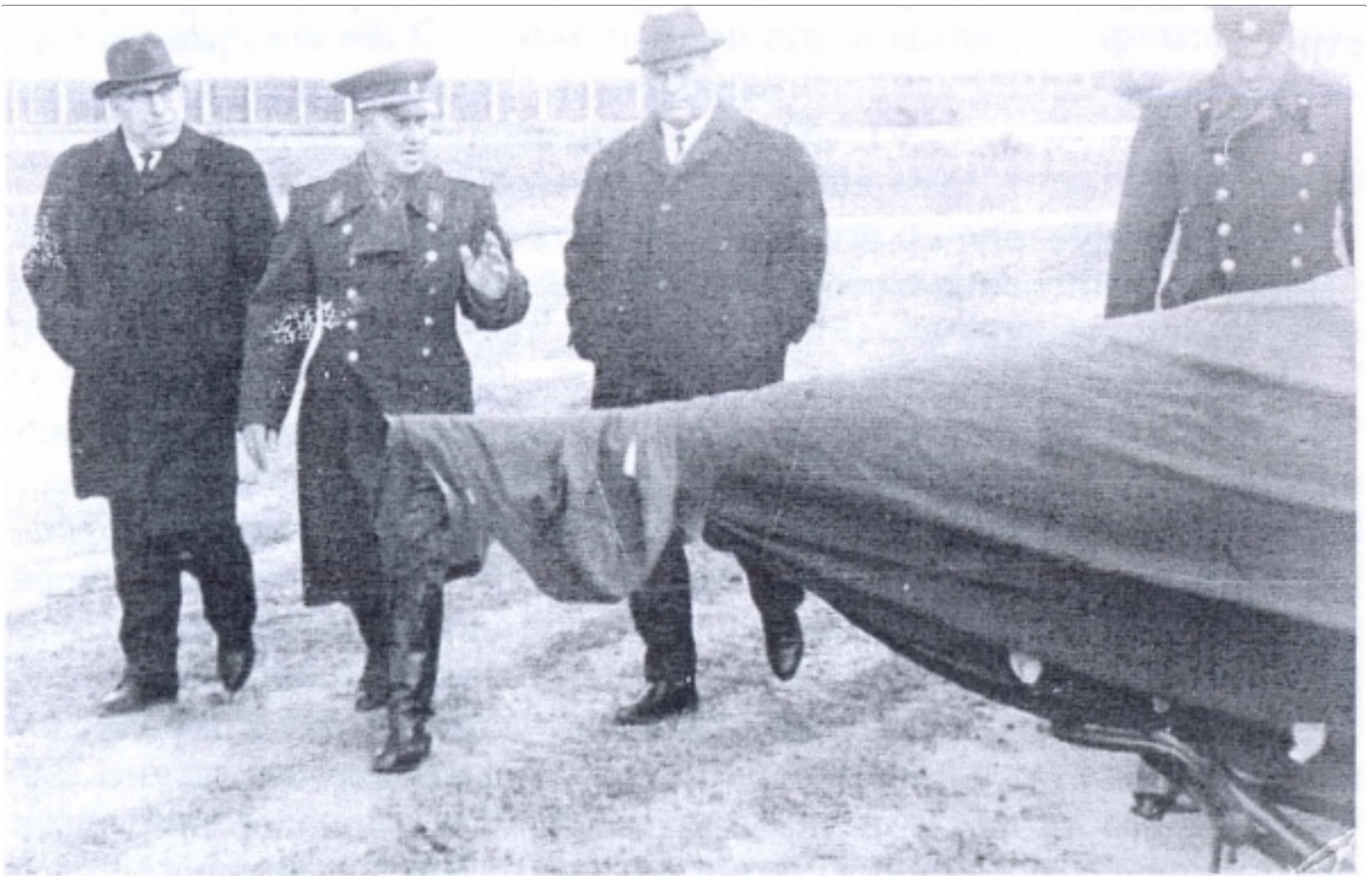
Первый орден Красной Звезды Джамалутдин Аджиев получил 24 октября 1944 года. К этому времени на счету его батареи было 6 сбитых самолетов.

Второй орден Красной Звезды он получил уже после Победы 16 октября 1945 года.

Закончилась война, но Д. Аджиев остался верен своей присяге, служил в городе Туапсе, в ракетных частях, охранял мирное небо Родины. За уничтожение аэростата-разведчика, который фотографировал секретные военные объекты, он был награжден третьим орденом Красной Звезды. В это же время ему вручили и медаль «За боевые заслуги».

С 1965 по 1969 годы Джамалутдин командовал Зенитно-ракетным артиллерийским полком, дислоцированным на территории ДАССР со штабом в городе Дербенте, затем в Махачкале.

.

В конце 60-х годов в разных точках планеты вспыхивали войны. Так 5 июня 1967 года Израильская армия начала войну против арабских государств. Тогда правительство Египта обратилось к Советскому Союзу. В ноябре 1969 года Д. Аджиева вызвали в Москву. В генеральном штабе Советской Армии ему предложили поехать в Египет, в качестве советника и специалиста по Зенитно-ракетным комплексам. После непродолжительной подготовки и сборов в числе первых 1500 советников, специалистов, Джамалутдин Туркестанович отбыл в Египет. Он обучал арабских офицеров и солдат военному искусству. Так, Д. Аджиев быстро завоевал авторитет среди местных офицеров, и те его уважительно звали мистер Эджи.

Четвертый орден Красной Звезды получил Джамалутдин Аджиев, будучи еще в Египте. Также здесь он получил арабский орден «За храбрость» и медаль воина-интернационалиста.

После возвращения из Египта в 1971 году, где провел почти 2 года старшим военным советником в зенитно-ракетной бригаде, Джамалутдин был направлен в Волгоград начальником Зенитно-ракетных войск соединения.

За заслуги перед Отечеством Аджиев Джамалутдин Туркестанович удостоен также ордена Отечественной войны 2-й степени и 14 других медалей.

В 1973 году Аджиев Д.Т. в звании полковника вышел в отставку и вернулся в Дагестан.

Руководство республики, учитывая боевые заслуги и деловые качества Джамалутдина Аджиева, поручило ему возглавить вновь создаваемый трест гостиничных заведений и банно-прачечных комбинатов Дагестана, где ярко проявились его организаторские способности и выработанная годами военной службы пунктуальность.

Судьбе было угодно, чтобы этот мужественный человек перенес самые сильные потрясения в своей жизни – скоропостижную смерть среднего сына Анатолия (названного в честь лучшего друга-фронтовика и однополчанина), который работал военным врачом в г. Иваново, а также смерть верной супруги Руфы, прошедшей с ним рука об руку через все трудности армейской жизни. Сам Джамалутдин Туркестанович умер в 1999 году в возрасте 77 лет и похоронен в с Эндирей рядом со своей супругой.

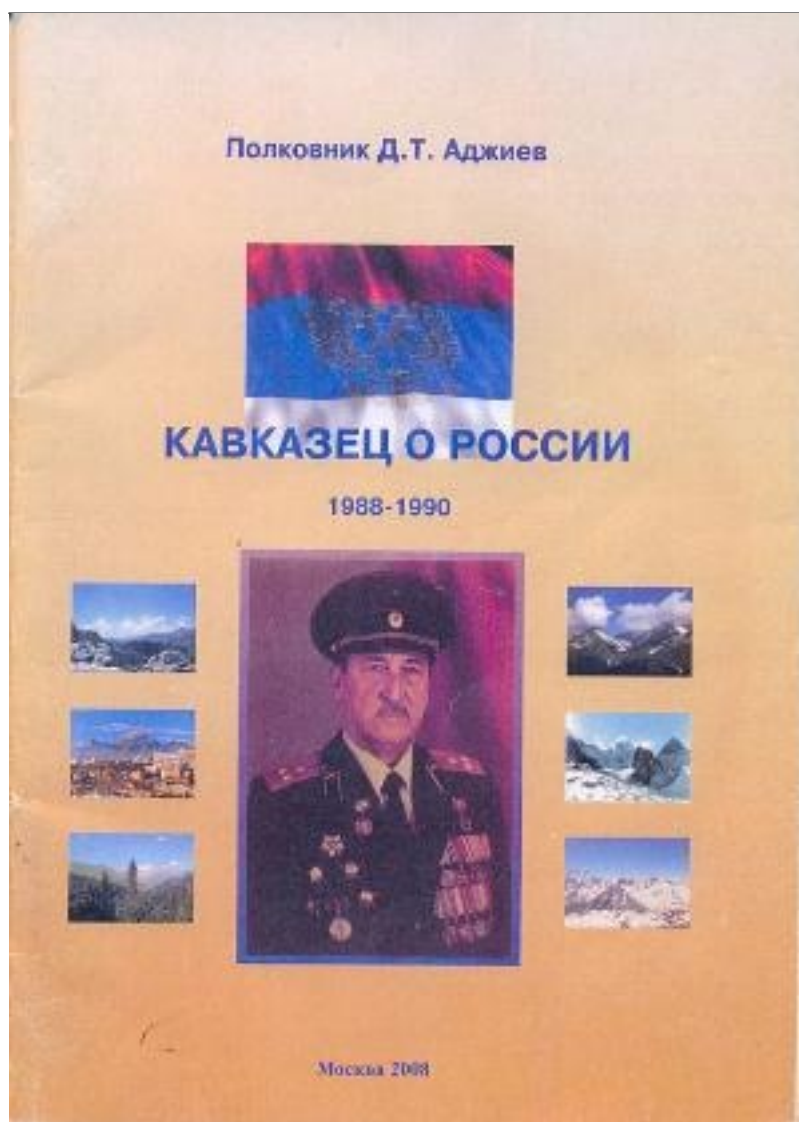
Он прожил интересную и богатую событиями жизнь. Несмотря на возраст и болезни, даже в последние годы жизни он продолжал жить полноценной жизнью. Где бы он ни появлялся, он всегда оказывался в центре внимания, люди тянулись к нему, особенно молодежь. Его увлекательные рассказы, анекдоты, которые он знал в большом

количестве и рассказывал с искрометным юмором, никого не оставляли равнодушными. Он мог с тонкой иронией высмеять глупость, мелкое тщеславие, бахвальство. Сам же отличался исключительной скромностью; его душе были глубоко чужды хвастовство, самодовольство, чванство.

Как человек здравомыслящий, он не мог не думать о бренности бытия и незадолго до смерти попросил высечь на его надмогильной плите, помимо прочего общепринятого, еще два слова «Гелдик-гетдик» («Пришли-ушли»). Несмотря на кажущуюся простоту, в этих словах заключен глубокий смысл. Человек ведь приходит в этот мир с тем, чтобы через predetermined срок уйти. И главное заключается в том, чтобы достойно прожить этот выделенный ему отрезок времени, и когда настанет срок – уйти с чистой совестью и спокойной душой. Вся жизнь Джамалутдина – яркий тому пример!

Не будет также преувеличением, если этого человека назовем легендой. Иначе, как можно объяснить путь, пройденный им за две полнокровных войны, не получив при этом серьезного ранения. А дорожки фронтовые, где на каждом шагу таится смерть! И хуже всего, когда не знаешь, откуда ждать удара.

В последние годы своей жизни Д. Аджиев написал свои воспоминания о прожитой жизни, которые адресовал своим сыновьям, внукам и близким родственникам. В 2008 году, через 7 лет после смерти полковника Д.Т. Аджиева, его сыновья Арсен и Джамал, проживающие в данное время в Москве, издали сохраненные рукописи книжкой «Кавказец о России». Приведем некоторые отрывки из этой книжки.

О чем я пишу?

Эти записи и фото – мои воспоминания о прошлом и пережитом. По профессии я военный, но повесть эта не столько о войне, сколько о смысле жизни... немного о любви.

...Мне было двенадцать лет, когда к нам в село Эндирей на экскурсию приехали мои сверстники, пионеры из Хасавюрта. Каким-то образом я и двое наших сельских парней присоединились к ним. Они пробыли у нас неделю, показали новые для нас игры: «Чью душу желаешь», «Третий лишний», пели душевные русские советские песни («А она была, пролетарочка», «Комсомолочка моя» и др.); было весело; мы подружились. Простое и близкое общение с девочками для нас было в диковину, а ласковое отношение молодой красавицы – пионервожатой вскружило мне голову. И... Неужели меня заделли стрелы Амура!? Кто знает... Но с тех пор я преобразился.

Когда они уехали, я впервые испытал гнетущую тоску.

Что поделаешь? Во мне, по сей день, жива страсть быстро и сердечно приобщаться к людям; воспоминания о них – радость и грусть моей жизни.

Вскоре мы с мамой переехали на житье в Хасавюрт.

...Если кому-то доведется читать эти записи, у него возникнет вопрос: а кто такой этот Дж. Аджиев? Что эта за знаменитость? И точно. Ведь писал я для себя. Заманчивая мысль, что в этих записях, может, кто-то найдет что-то схожее со своей жизнью, своим настоящим и прошедшим, пришла позже. Вот и все.

А записи мои вернее было бы озаглавить так: «Кавказец о России».

Отрывок из главы I.

Мени бир ата юртум Эндирей...

Бела – прекрасная кумычка

В 1995 или 1996 году, выступая по Дагестанскому телевидению, известный историк-краевед Булач Гаджиев комментировал повесть М.Ю. Лермонтова «Бела» прямо «с места событий».

Стоя на плато, где была крепость Внезапная в двух-трех километрах юго-западной от нашего села Эндирей, он впервые высказал версию, что события повести происходили именно здесь. Его доводы и сравнения удивительно совпадали: рельеф, пейзажи, расположение крепости на берегу реки, где «похоронена бедная Бела»; свадьба в татарском ауле, где «бренчит трехструнка»; реплики Максим Макси-мыча, «Карагез», «йок», «якши», «яман» – все сходилось. Особенно момент угона Белы Казбичем.

В детстве, находясь на крутом берегу Акташа, и я видел как «джигиты» вот также угоняли (умыкали) девушек, пришедших на речку за водой.

Булач приводил и другие интересные примеры.

Отрывок из главы II.

Любимый город можешь спать спокойно...

Хасавюрт. 30-е годы

Жизнь в Хасавюрте у меня тесно связана с педтехникумом, это часть моей биографии.

В 1934 году, окончив с отличием 4-й класс Хасавюртовской Образцовой школы, я без экзаменов был принят на подкурс техникума. Подкурс комплектовался в основном учащимися ШКМ (Школа колхозной молодежи).

Директором был Рашидхан Даудов, геройски погибший на войне. Был сильный состав преподавателей, они запомнились на всю жизнь. Патриарх преподавательского корпуса: Темирханов Сурхай (химия, биология), Гафуров Малик (родной язык), Егоров Александр (русский язык), Азаматов Мустафа и Мантиков Багав (география; мой выбор факультета в институте), Алиев Мустафа (история), Кадиев и Ильягуев (физика, математика), Арчили (физкультура; это он ознакомил и увлек нас волейболом, баскетболом, футболом).

Я перечислил эти фамилии 50 лет спустя; так запоминаются люди, давшие нам путевку в жизнь.

Об учителях, преподавателях слова благодарности говорят все, даже генсеки наши, но по достоинству они еще не оценены. В нашей стране, где такая необузданная страсть к памятникам, пока не нашлось место для учителя.

Мы признательны нынешним руководителям училища за организацию волнующих встреч «старой гвардии» с молодежью, я бы сказал «встречи с молодостью».

К экзаменам мы готовились на закрытом в то время русском кладбище рядом с техникумом. Кладбище это осталось в памяти: удивительно красивые памятники из мрамора и гранита с трогательными эпитафиями безвестным прахам; буйно растущие кусты сирени, ландыша, жасмина; их смешанный с тленью запах, – все это как-то странно будоражило и волновало юные сердца.

...Никогда не забуду вечерний Хасавюрт. Почти у каждого дома палисадник с цветами, а у калитки – скамейка. Проводы девушек после танцев. А где-то из околицы тихо доносятся до боли знакомые мелодии девичьих хороводов.

Вот такими остались в моей памяти «Хасавюртовские вечера».

Отрывок из главы III.

Студенточка, заря вечерняя...

Его еще называли Вузовским городком. Он остался в моей памяти святым и светлым обиталищем. В тридцатые годы там были сосредоточены сельхозинститут, три курса мединститута, два факультета пединститута, педрабфак. Ну чем не Оксфорд или Сорбонна!

Большинство студентов там и жило в общежитиях. Было все необходимое для жизни и учебы.

По вечерам и в выходные дни городок заполнялся мелодиями грампластинок, ставших для нашего поколения классическими: «Брызги шампанского», «Рио-Рита», «Цыган», «Дождь идет», «Немое свидание», «Мой костер в тумане светит», «Отрада», «Звездочка»; песни и романсы Изабеллы Юрьевой и Вадима Козина: «Когда простым и ясным взором ласкаешь ты меня, мой друг...». И бессмертная «Катюша»! Ее знает и поет весь мир.

Может, эта мягкая, задушевная, благоухающая музыка и определяла наши характеры и нравы!

И танцы!: танго, фокстрот, вальс, вальс-бостон, румба. Танцы на широких, полукругом на все здание балконах, как бы специально созданных для ночных прогулок влюбленных; в коридорах; во дворе вокруг фонтана... И счастливые возбужденные лица не очень сытых и совсем небогатых парней и девушек!

Я убежден, что танцы того времени парней делали рыцарями. Если парень неопрятно одет, а в зубах папироса, то девушка не шла танцевать. А это, в свою очередь, возвышало и достоинство девушек. Словом, танцы заставляли подтянуться и ребят, и девушек, в то же время укрепляли доверие и дружбу между ними в самом благородном смысле этого слова.

И вот вечный вопрос: когда же было лучше?

Чингисхан, испытавший в молодости жизнь в плену, говорил: «Хорошо быть молодым, даже с колодкой на шее».

...Истфак, литфак, геофак!.. До чего милые незабываемые сим-волы! Хорошо бы быть вечным студентом!

Сердце щемит, когда теперь проезжаю мимо здания Дома Кадров. Как-то в выходной день с одним другом из педрабфака мы посетили его. Поразило безмолвие мест, так оживленных в наше время. Но тишина эта сопутствовала нашему грустному настроению. Прошли кругом, обошли сившиеся по ночам аудитории, «танцплощадки», лестницы, по которым когда-то бегали. Вспомнили ребят и девчат, с которыми учились...

Ну отчего так сжимается сердце? Может, от сознания безвозвратности прошлого? От желания сохранить все как было?

...Почему я выбрал географический факультет. Думаю, сыграло какую-то роль решение задачи на каком-то конкурсе в техникуме. Было семь вопросов, надо было назвать: выдающегося деятеля, страну, город, гору, озеро и остров, начинающихся на букву «С». Не помню сейчас, какое время давалось на решение, но ответ свой я сдал одним из первых и получил первый приз. (Ответ на первый вопрос ясен – Сталин, а не Сократ или Сали Сулейман. Остальное понятно, а горы – Саяны, угадал я один).

Отрывок из главы IV.

Куда ты мчишься мой гордый конь, и где ты опустишь копыта

После окончания техникума я работал учителем в селениях Параул и Боташ. С благодарностью вспоминаю доброе ко мне отношение их жителей. Мои ученики в большинстве были старше меня. Девушки покровительственно посмеивались, кажется, вполне добро-желательно. Это, но и звание муаллима (учитель), заставляло подтягиваться, «взрослеть»... Не забываю русских учительниц Олю и Валю, красавиц из Кизляра, совместно работавших.

...Из своего опыта заключаю, что поступление в ВУЗ с некоторой производственной практикой имеет определенное преимущество, чем скачок с парты на парту. Институт для меня также начался удачно... Первый или второй день занятий... В классе собрались две группы, человек 40-50. Преподаватель русского языка Александр Васильевич Булыга, благообразный старик, на доске написал длинное сложносочиненное предложение и обратился к аудитории:

- Кто желает разобрать?

Здесь я делаю небольшое отступление. Летом, во время каникул, в Хасавюрте, я ходил на курсы русского языка. Не помню имени умной преподавательницы, но я многое там познал. Главное - все было свежо в памяти.

- Ну, кто?

Никто не решается. Долгую паузу, как когда-то выходил на борьбу в техникуме, нарушил я (думаю сейчас об этих своих выходках: ведь в обоих случаях я мог промолчать; никто меня не подталкивал, а вот полез! Самонадеянность? Честолюбие? Однако, без соответствующей подготовленности и какой-то уверенности такие «замашки» вряд ли возможны).

Итак, я поднял руку и вышел к доске. Под гробовое молчание класса я это предложение блестяще разобрал. Булыга это подтвердил: когда я пошел к месту он, остановив меня, спросил:

- Кто по нации?

- Кумык.

- Молодец! Далеко пойдете.

Слова его в моей жизни не подтвердились, но рейтинг мой среди студентов поднялся высоко. В другой раз, когда я случайно ворвался в класс писавших диктант первокурсников, он остановил меня и, обращаясь к студентам, очень лестно обо мне отозвался. Он явно был под впечатлением того разбора: видимо он был уверен, что написал предложение, которое всем не по зубам.

Отрывок из главы V.

Война. На долгий путь, на долгие года

Смерть или слава!

...К началу 41-го учебного года наш факультет из Дома Кадров перевели в основное здание пединститута на углу улиц Дахадаева и Маркова, № 17.

22 июня 1941 года мы готовились к очередным экзаменам на городском пляже в Махачкале. В те годы пляж почти пустовал: дагестанцы еще не все понимали «дары моря», даже чурались, а цивилизованный народ предпочитал Черноморье.

В 12 часов с небольшим кто-то прибежал и тревожным голосом оповестил: война! Все всполошились. Мы тоже оделись и пошли в свою студенческую столовую на Буйнакской улице около вокзала, а оттуда в общежитие на Дахадаева, 21 (около стадиона «Динамо»).

Везде на улицах и переулках у репродукторов люди сосредоточенно слушают выступление Молотова. В память на всю жизнь врезались слова:

«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

А после радио передавало сводки из обыденной мирной жизни, лишь на второй или третий день стали звучать военные марши... А там, на западных границах уже все полыхало.

Среди студентов курса я слыл «политиком». Я считал, что это провокация, может, даже затеянная нашими, как в 1939 году с Финляндией; что наши вот-вот перейдут в наступление, освободят Германию и поставят у власти Тельмана.

Боже, как я ошибался! Более зрелые люди считали, что немцев остановят или на старой границе, или на рубеже Днепра.

...Нам дали возможность сдать экзамены до конца. Оставался экзамен по истории СССР. Я плохо готовился: это сразу понял историк наш Блинов, лысый, малого роста. Посмотрев мою зачетную книжку, где все отличные и хорошие оценки, он сказал: «Не хочется вам портить зачетку одной единственной тройкой, позанимайтесь 2–3 дня и приходите». Во мне заговорило ложное самолюбие (как же, я ведь отличник!), и я сказал с амбицией: «ставьте, что заслужил». И он поставил тройку. Он был прав, оценка справедливая. Наверно потом, видя нас, уходящих на войну, жалел об этом, но «поезд уже ушел».

Я до сих пор жалею, что погорячился тогда: не он меня обидел, а я его.

К сожалению после войны ни его, ни других преподавателей, ставших близкими и дорогими людьми, так и не встретил. А декана Картавова Михаила Михайловича, доброго и спокойнейшего человека, вспоминаю с благоговением. Не удалось мне установить и его судьбу.

...Когда получил повестку из военкомата, я уже имел предписание на должность директора Главкутской (на берегу Каспия) неполной средней школы...

Сейчас, о ком бы ни писали, обязательно делают приставку: «ушел на фронт добровольцем». Разумеется, таких случаев было много, патриотизм был высочайший, но основная масса шла по объявлен–ной в стране всеобщей мобилизации, ну а призывному возрасту – и бог велел.

Мы знали войну по кинофильмам как героическую романтику, шли в армию с вдохновением и гордостью, уверенные в скорой победе. Вот какое молодое поколение было выращено, несмотря на все издержки той эпохи!

Днем 8 июля 1941 года большая группа студентов всех трех махачкалинских вузов (пед.,

мед., сельхоз.) сосредоточилась на железнодорожном вокзале. Провожавших было мало: в основном девушки и ребята-студенты, еще не получившие повестку. Никакого столпотворения, ни одного нетрезвого. Короче, ничего похожего на нынешние проводы в армию; а мы ведь уходили в неизвестность...

Ехали мы пассажирским поездом... моя первая поездка в Москву. В Хасавюрте меня встречали родственники. Не могу представить, как они узнали, наверное, встречали все поезда. Кроме мамы, кто еще там был, я уже не помню. Поезд в Хасавюрте стоял всего две минуты. Ничего, кроме слез матери, я не запомнил. До Москвы ехали пять суток: тогда поезда на больших станциях стояли по 30-40 минут, паровозы набирали воду. Дорога запомнилась на всю жизнь. На станциях обилие всевозможных продуктов, и все по ценам, вполне доступным студенческому бюджету... А ведь уже полмесяца шла война! Почему-то после войны такую торговлю запретили и ничем не заменили...

Ни войны, ни тревоги какой, пока ехали, не чувствовали.

Сейчас поражает это спокойствие народа! Уверенность? Или шок? Ведь нынче такое представить невозможно. Наверное, люди не предполагали, что так долго продлится война, что немцы доберутся так далеко. Да кто мог тогда это знать?...

Москва, июль, 1941 год

На вокзале нас встретили представители военных академий и пешим строем повели к местам назначения.

Москва показалась мне мрачно-спокойной. Запомнил только, как солдаты вели на веревках аэростаты воздушного заграждения, да истребителей, то и дело прорезающих небо столицы.

Мое назначение - в Военно-воздушную инженерную академию им. Жуковского. Нас очень нарядно одели, разместили в общежитии по 4 человека, а не в казарме. А кормили как! Это была сказка после студенческого пайка.

... Мы изучали новые типы истребителей МИГ-1, ЯК-1... Увы, на этом моя летная эпопея кончилась. Недели через две, нас, человек 200 новичков-гуманитарников собрали, форму сняли, одели обратно в свою легкую уютную студенческую робу и отправили к месту нового назначения.

Теперь мы стали курсантами Подольского (под Москвой) противотанкового артиллерийского училища... Занимались по ускоренной программе. За сравнительно короткий срок изучили матчасть и стрельбу по танкам из 45-мм противотанковых пушек. Учились также практическому применению бутылок с зажигательной смесью, т.н. «водка» («коктейль») Молотова (!).

Поскольку в институте мы проходили военное дело, а преподавал истый вояка поляк майор Ястрежембский, азы военного дела мы знали и к службе были готовы. Жили в палаточном лагере на берегу тихо текущей речки Пахра. Природа там была экзотичная, но от этого мы никакого комфорта не испытывали. Запомнились долгие ночные беседы с артистом Францевым; меня особенно волновали его рассказы о популярном тогда артисте Николае Крюкове, игравшем в фильмах «На границе», «Три танкиста», «Трактористы»...

Незаметно прошли дни учебы. Неожиданно для нас нависла угроза Москве... Ночью в ненастную погоду училище подняли по тревоге и двинули в район Юхнова – 120 км юго-западнее Москвы, куда прорвались фашистские танки. Собрались мы по тревоге привычно быстро; сели на газики с траками на задних колесах, подцепили наши легкие пушки, двинулись... Наша батарея заняла у реки Угра позицию у перелеска, недалеко от колхозной фермы; к утру кое-как окопались, замаскировались. Вскоре впервые в жизни я услышал тревожный гул немецких танков. Стало страшновато, ведь первый бой! Это состояние прошло лишь после первых выстрелов.

В училище нас обучали выполнять обязанности любого номера расчета, командира орудия и взвода; здесь каждый выполнял определенную функцию; я был подносчиком снарядов; и так рьяно выполнял обязанности, что не замечал, что делается вокруг. Знал (вернее инстинктивно чувствовал): чем лучше каждый будет делать свое дело, тем больший урон будет нанесен врагу. Так действовали все: инстинкт самосохранения! Иногда, при беглом взгляде на охваченное дымом и пожарами поле боя, замечал подбитые и горящие танки, но кто их подбил, какая вообще обстановка, я не ведал; стреляли все.

Бой затих к сумеркам. Позже мы узнали, что в первые дни войны немцы строго соблюдали распорядок приема пищи и отдыха. Мы же начали подготовку к отражению нового удара: приводили в порядок уцелевшие орудия, подвозили боеприпасы, доукомплектовывали расчеты. Теперь на каждое орудие было по одному подносчику снарядов.

...Второй и третий дни были повторением первого, только меняли позиции, и ряды наши поредели, а немецкие танки валили как дым из трубы. Шел бой, в котором не было ни победителей, ни побежденных. Фашистские танки через позиции курсантов не прошли. Курсанты держались до тех пор, пока нас не заменили регулярные части. Потом нам говорили, что в этих боях погибло до 2000 курсантов – 18-20-летних парней, только вступавших в жизнь, безвестных героев.

...Около 200 человек, оставшихся в живых, влились в Горьковское училище зенитной артиллерии. Здесь также действовало Суворовское правило: «тяжело в учении, легко в бою». Битва за Москву продолжалась; фашистская авиация увеличила радиус действия. На помощь войскам на позиции вывели курсантские батареи. Учебу приходилось совмещать с боями.

Запомнилась наглость фашистских летчиков в то время: после очередного налета они, уверенные в своем превосходстве, бросали листовки, что завтра прилетят в то же время, – и точно прилетали. Летали иногда на малой высоте, бомбили, обстреливали из пулеметов, – можно сказать издевались. Было обидно; нас учил воевать... и противник...

...На войне судьбу человека определяет часто меняющаяся обстановка, какой-то невесть откуда привнесенный штрих. Начав с авиации и противотанковой артиллерии, я стал артиллеристом-зенитчиком; защищал от воздушного нападения города и войска, мосты и военные объекты... я был командиром огневого взвода, а с 1943 года – командиром батареи. Мы воевали с сильным и в этом смысле с достойным противником.

В начале войны в мире только фашистская Германия имела специальную пикирующую авиацию, вооруженную испытанными бомбардировщиками – «юнкерсами» (Ю-87, Ю-88) и вышколенными летчиками. Не так бывало просто отразить их «психическую атаку». До сих пор звучит в ушах их прерывистый гул, напоминающий Гинденбургский марш, и страшный рокот при пикировании. Наша 12-я батарея сбила шесть таких пикировщиков ...

...Спустя почти полсотни лет многое теперь кажется, что было не так страшно; что-то уже и позабыто, но опыт остался: через 24 года я уже воевал в Египте с более опытными асами на современных пикировщиках (об этом в конце тетради).

Главную роль в нашей Победе, безусловно, сыграли русские. Но они никогда не кичились этим. Больше того, мы не различали тогда, кто русский, а кто нерусский. Мустай Карим сказал: «Не русский я, но Россиянин!». Такими были мы все. За время войны я лучше узнал русских, Россию и полюбил их.

В ПВО служило много девушек. Они заменяли мужчин на приборах управления огнем, связи и даже в разведке. В нашей батарее, укомплектованной кадровыми бойцами сибиряками из Забайкалья, были и девушки из Кубани и Горьковской области. Мы оберегали их честь и достоинство, а они показали себя отважными бойцами. В моей практике не было случая, чтобы во время боя кто-либо из девушек оставил свой пост и полез в укрытие... Бояться мыши и быть бесстрашной перед лицом смерти – это было выше моего понимания. Наверно люди никогда не поймут женскую психологию. Но женщина остается женщиной и на войне. Их близость согревала нас. Могли ли мужчины допустить малодушие в их присутствии?!

Хотел закончить тему о войне, но как не сказать о вкладе в Победу тружеников тыла, медиков, деятелей искусства!

Статьи Ильи Эренбурга, стихи и песни Константина Симонова и Лебедева-Кумача, музыка Дунаевского, Богословского, кинофильмы тех лет! До сих пор зовет на подвиг песня «Священная война» – гимн этой войны.

А голос Левитана по радио! Аж дрожь брала! Не знаю и не хочу думать, как получилось бы по телевизору. Наверно, хорошо, что тогда не было телевизора. А кино тех лет! Думаю,

что наши актеры и актрисы кино и театра – лучшие в мире.

В заключение о том, что особенно запомнилось.

Кому-то первый день войны, другому последний день войны; ка-кое-то сражение, смертельная опасность. Мне же кажется, общим для всех была тоска по мирному времени. Как-то Клавдия Шульженко с группой артистов приехала на фронт к летчикам. Пела она в военной форме. Один из летчиков попросил ее:

– Если можно, пойте, пожалуйста, в мирном платье!

– Почему?

– Чтобы было так же, как до войны.

Может и поэтому ветераны не хотят новой войны, да еще более страшной!

Отрывок из главы IX.

Без тебя мне счастья нет

Все было... Мой выбор пал на Руфу. Мы были счастливы, не всегда замечая этого за повседневной суетой жизни.

.
Доволен ли я своим прошлым? О чем жалею?

Я не жалею, что не был сыном Сталина, принцем английским или самым богатым человеком в мире. Свою жизнь с ее радостями и горестями я не променял бы ни на какую другую.

Жалею же об одном: почему я не умер раньше своей жены? Эта глава о ней.

.
Как умирала Руфа

.
Она умерла 8 июля 1995 года в 19.30 (24-го ноября 1994 года отметила шестидесятилетие).

Умерла от быстротечной коварной болезни крови, почти не боля. Ни сама она, ни мы не думали, что болезнь смертельная. Беспощадная болезнь свалилась как с неба и унесла ее, не дав опомниться. Умерла тихо, спокойно, без «ах» и «ох».

Ушла, оставив двух взрослых сирот. Наверное, в какие-то моменты болезни ей приходили эти мысли, и я представляю, как ей было тяжело.

Ушла неожиданно, ни с кем не простившись, ничего не завещая. Ушла, не жалуясь и не унывая, как и жила, с улыбкой милой. Пусть прах твой утешат слезы, которые не высохнут до конца моей жизни.

Она легла в больницу в четверг 22 июня, а во вторник 4-го июля думала вернуться домой. Зная, как она будет рада, я навел в квартире полный порядок. К нам провели природный газ, лестницу застлали мрамором. Приходи же, мой ангел, радуйся, живи! Не пришла. Не пришла совсем. В этот день заболела сильной ангиной, будто та болезнь не могла ее свалить.

Утром 8-го июля сошла температура, и она с ясным сознанием говорила со мной. Мой приход немного смутил ее, что-то неладное заподозрила она: раз пять спросила «Сен не-чик гелдинг?» («Зачем ты пришел?») и потом несколько раз – «Не яхшы этдинг хари гелип!» («Как хорошо, что ты пришел!»).

Это были ее последние, самые последние ласковые слова, услышанные мной.

Да, я приду к тебе моя родная баляшка, не беспокойся!

Часов в 10 она уснула; красивая, милая, и в сознание больше не приходила. Сама, в жизни довольствуясь малым, ты делала все для нас. Мы были избалованы.

Диагноз болезни – лейкоз (белокровие). Этой болезнью болеет один человек из пятидесяти тысяч! Но как жребий пал на Руфу?! Может, потому, что я выбирал ее из пятидесяти тысяч!

...Похоронили мы ее на кладбище в Эндирее, недалеко от моих родных; рядом место для меня; это наш последний бранный приют.

Когда засыпали могилу, в какой-то момент я поднял глаза. Мне показалось, что деревья склонили головы, травы поникли, облака на небе потемнели, как в душе моей.

И все! Все на веки. Руфы нет! Ее голос не прозвучит больше в нашем бедном жилище. Нет хозяйки дома! Потух наш очаг.

...Начиная эти записи, не думал я, что такой трагический будет конец. Может, зря писал? Не знаю. Теперь мне кажется, что человек ошибается, торопя завтрашний день, думая, что он будет лучше вчерашнего ...

...Захожу домой, Руфы нет. Как это так? И не будет ... ?!?!

О, если бы ты знала, как пережили твою смерть все мы: твои и мои родственники, твои подруги! Если бы ты знала, что мы теперь делаем, как живем! Но в том и трагедия, что никогда ты этого не узнаешь. А как хочется, чтобы ты знала!

...После ее смерти прошло два с половиной месяца...

Помню: куда бы она ни ездила, всегда говорила: «лучше своего дома места нет». И

сегодня, у нас дома все так, как ты оставила; приходи же!

...Всю дорогу из Махачкалы в Хасавюрт у твоего гроба я невольно разводил руками, еще смутно представляя всю глубину постигшего меня горя, предчувствуя, какое безысходное будущее впереди. Пусть это тебя немного утешит, ибо над моим телом разводить руками уже некому.

В доме у твоего брата, рядом с твоим телом я около двух часов подремал (с двух до четырех часов) в комнатах, откуда ты выходила за меня замуж. Встал, едва занялась заря, знал: через несколько часов наступит минута последнего свидания. Время летит неумолимо, минута эта наступила быстро. Когда открыли гебин (саван), даже я, знавший тебя сорок два года, был очарован. В последний раз в жизни я безмолвно любовался красивым, не исхудавшим, почти живым лицом. Это мгновение, пожалуй, было самым тяжелым.

Не сходит с памяти наш последний перед смертью разговор, когда я сказал: «Спи спокойно, все будет хорошо». Она, всегда послушная, поверила мне и уснула. Уснула навсегда! Но, что другое я мог ей сказать?

...В эти вечера светит полная луна. Глядя на нее, я думаю, что она светит и на кладбище в Эндирее. А ей все равно, светит луна или идет дождь...

.

Теперь о живых

.

Наш дом, всегда полный гостями и шумный, опустел. Я знал, что так будет, но психологически к этому оказался не готов. Представь-те себе мое положение: один в пустом доме, в полной тишине; в доме, где каждая вещь – печальное свидетельство совместной жизни. Телефонный справочник. Тоску вызывают имена, написанные ее рукой...

...После того, как отметили 52 дня со дня смерти, никто из родных не звонит, не приходит. Вот какой, оказывается, рубеж эти 52 дня! Рубеж забвения живых и мертвых.

Говорил с Москвой, с внуками. Хотел их назвать, как бабуля, «ляпсаны», не получилось, с комком в горле оборвался на полуслове.

Какой же выход? Его никто не подсказывает. Остерегаются. Так что, дорогой полковник, (мистер Аджиев), неси свое бремя до смерти и торопи ее. Другого выхода я тебе не нашел.

Ладно, не забыли друзья: Аткай, Надир-Солтан, Алибек Аджиев, гл. инженер гостиницы «Каспий» аварец Газияв.

Их озабоченность одной оригинальной фразой выразил Аткай: «Джамалдин! Мен сенден парахат тюгюльмен» (Джамалдин! Я за тебя не спокоен»).

Да, берегите друзей!

Апрель 1996 года. Никакой радости. Какая может быть радость, если с нею не с кем делиться?! ...

На кольце мудрого царя Соломона было вырезано: «И это пройдет».

...Январь 1997 года. Нет, Соломон, увы, не все «проходит». Друзья мои! Берегите жен!

...Самое безысходное положение на земле – это одиночество, трижды безысходно – одиночество старого человека ...

...19 сентября 1999 г. умерла Раиса Максимовна Горбачева от той же болезни, что и Руфа. А ведь ее долго лечили лучшие врачи Германии.

И страдавший бедный Михаил Сергеевич убивался, думая, что не все может сделать для ее спасения. Что остается говорить мне?!

Я сочувствую Михаилу Сергеевичу.

.

Мы дети, внуки и правнуки поколения военных лет должны, обязаны помнить тех, кто ради нас не жалел ни сил, ни жизни, для того, чтобы у нас была мирная жизнь и ярко светило солнце. Честь и хвала им всем!!! Низкий поклон от потомков, ведь время не имеет власти над тем, что люди пережили в войну. И пока мы будем помнить отдавших за нас свою жизнь, свою молодость, свой покой, значит, будет жива связь поколений. А значит, жива и наша Родина-Россия!

[Атав и Салимат КАРАЕВЫ](#) - 29 мая 2015

<http://webkamerton.ru//2015/05/ocherk-sudba-voina-dagestanca>